

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В.М. Алпагов

Я не могу считать себя профессиональным политологом, пусть даже я имею отдельные публикации в этой области. По образованию и по основной профессии я лингвист, работаю в науке о языке более сорока лет, в том числе одна из моих специализаций — история лингвистики. В политологии, как и в других социальных науках, я не профессионал, поэтому все, что дальше будет говориться по этим вопросам, очень возможно, является чистым дилетантством, за что заранее приношу извинения.

Тем не менее, читая иногда политологическую литературу, я ощущаю, насколько по своим подходам и методам науки об обществе отличны от привычной для меня науки о языке¹. Безусловно, каждая наука имеет свою специфику, связанную со своим предметом. Однако есть вопросы, значимые для любой эмпирической науки, познающей мир, а это почти все в этой сфере, исключая разве что математику². Один из таких вопросов — соотношение между общим, особенным и индивидуальным, разграничение всеобщих свойств изучаемого явления и его индивидуальных проявлений. Важны и вопрос о точке отсчета, эталоне для выявления общего в многообразии, и вопрос о наличии или отсутствии оценки. Представляется, что лингвистика и политология пока что здесь следуют разными путями, особенно разойдясь в последнем столетии.

Сначала о лингвистике. Каждая лингвистическая традиция появляется на основе изучения какого-то отдельного языка, языка «своей» культуры. «Чужие» языки не кажутся «настоящими» языка-

ми и игнорируются³. У древних греков «бормотание варваров» приравнивалось к голосам животных⁴. Впервые подняли вопрос об общих свойствах *Языка вообще* схоласты XIII–XIV вв., но они ориентировались только на латинский язык, поэтому соответствие оказывалось взаимно однозначным. Идея множества языков сложилась в Европе лишь при переходе к Новому времени, когда господство латыни уступило место развитию разных национальных языков. Эта идея закономерно вводила в науку две другие идеи: 1) языки можно и нужно сравнивать; 2) следует разграничивать общие свойства Языка и частные свойства французского, немецкого, английского, русского и других языков. В науке о языке начался период господства сравнительного подхода в разных его видах, который продолжался с XVII в. до середины XX в.; остается важным этот подход и сейчас.

Одной из первых книг, где рассматриваемая здесь проблема систематически изучалась, стала знаменитая грамматика Пор-Рояля, изданная во Франции в 1660 г. В ней была выдвинута идея общей логической основы всех языков мира, которая по-разному проявляется в конкретных языках. Авторы (А. Арно и К. Лансло) строили эту логическую основу, исходя из известного им множества языков. Это латинский, древнегреческий, древнееврейский, испанский, итальянский и французский; эпизодически упоминаются «северные» (германские) и «восточные» (по-видимому, турецкий) языки. Авторы грамматики для построения «основы» что-то брали из одного языка, что-то из другого, но более всего

из «главных» языков: родного французского и все еще сохранявшего престиж латинского. Если в каких-то случаях, например в употреблении артиклей, испанский и итальянский языки расходятся с французским, то они признаются «менее логичными», а «северные» языки откровенно третируются, как «нарушающие логику». Такой подход был большим шагом вперед по сравнению с прежними представлениями, но языковая база данных была еще недостаточной⁵.

Идея о логической основе всех языков позднее была надолго оставлена и возродилась лишь в XX в., но проблема разграничения всеобщего и особенного, как и проблема эталона, постоянно вставала в описаниях языков. «Экзотические» языки чаще всего описывали миссионеры, поэтому соответствующий жанр получил название миссионерской грамматики. В таких грамматиках в каждом языке находили те же шесть падежей, что в латыни, те же времена и пр. Эталон, впрочем, менялся: от латыни перешли к современным языкам, в разных странах — к разным. В XX в. грамматики (уже не миссионерские), выполненные в СССР, нередко исходили из русского эталона. В докторской диссертации по персидскому языку, представленной в 80-х гг. в Институт востоковедения АН СССР, говорилось, что в отличие от других языков мира в персидском языке нет падежей, а падежные отношения выражаются предложениями. Очевидно, что диссертант исходил из русского эталона и ничего не знал о строе английского или французского языка.

Но для второй половины XX в. такие взгляды уже стали анахронизмом. Общая линия развития науки о языке, особенно явно в последнее столетие, — расширение представлений о том, что бывает (и чего не бывает) в языках мира, выявление общих свойств Языка, особых свойств некоторых, но не всех языков и свойств отдельных языков, отказ от выделения какого-то языка в качестве эталона для изучения других языков. Раз-

умеется, для этого необходим материал как можно большего числа языков. Легче всего универсальный подход мог быть достигнут в самой простой области звукового строя языка, где с конца XIX в. существует общее понятие фонемы, а в середине XX в. Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле построили единую для всех языков систему описания на основе так называемых дифференциальных признаков⁶. Для более сложных уровней языка ничего подобного до сих пор нет, но лингвисты уже хорошо знают, что не во всех языках есть падежи, не везде глаголы изменяются по временам, не обязательно сказуемое согласуется с подлежащим и т.д. и т.п.

Представления о степени универсальности того или иного явления могут оказаться неадекватными при знании лишь одного языка или даже нескольких родственных (скажем, индоевропейских) языков: свойства «нашего» языка легко абсолютизировать. Вот лишь один пример. Каждый, кто учил английский язык, знает, что там в вопросительных предложениях используется вспомогательный глагол *to do* 'делать'. Для носителей этого языка это может казаться естественным. Однако несколько лет назад в МГУ была защищена диссертация о грамматических функциях глаголов со значением 'делать' в различных языках мира⁷. И оказалось, что в мире зафиксирован только один язык, где глагол с таким значением используется для образования вопросительных предложений. Это английский язык!

В современной науке о языке, особенно в одной из ее приоритетных областей — лингвистической типологии⁸, последовательно разграничивают общее и особенное в языках. Сознательная ориентация на родной или престижный язык в качестве эталона давно порицается, но трудно избежать ее бессознательного появления⁹. Как отмечает один из ведущих российских типологов, «за последние десятилетия было получено много резуль-

татов первостепенного значения, в первую очередь эмпирических обобщений, ограничивающих допустимое разнообразие языков. Гипотеза о том, что языки могут по своему строю отличаться друг от друга неограниченным образом по неограниченному множеству параметров, ныне повсеместно оставлена... Структура предложения в каждом естественном языке представляет собой редукцию некоторой абстрактной универсальной модели»¹⁰.

Другой процесс — отход лингвистики от оценочности. Все лингвистические традиции формировались, прежде всего, ради практических нужд, главной из которых была потребность учить правильному, нормированному языку; для создания и поддержания нормы «хороший» язык необходимо было описать. Такой язык противопоставлялся «плохим» разновидностям языка: диалектам, жаргонам, а тем более языкам «варваров». Оценочность осталась даже в грамматике Пор-Рояля, где французский язык ставится выше испанского и итальянского, но все они выше германских языков. В начале XIX в. Ф. и А. Шлегели и В. фон Гумбольдт разработали стадиальную концепцию развития языков: чем сложнее грамматика языка, тем более высокую стадию развития мышления она отражает. На построенной ими шкале высшее положение занимали классические языки: древнегреческий, латинский, санскрит; В. фон Гумбольдт называл древнегреческий язык самым совершенным в мире¹¹. Его последователь середины XIX в. Х. Штейнталь уже считал языкознание познающей, а не оценивающей наукой, однако оно «принимает эстетический, оценивающий характер в дисциплине, которая является его очень существенной и неотъемлемой частью, а именно в систематизации или классификации языков»¹².

Концепция языковых стадий имеет сходство с концепцией общественных формаций (появившейся немного поз-

же, но в рамках той же великой немецкой интеллектуальной традиции)¹³. Однако к концу века стадии, не подтвержденные фактами, были оставлены (в 20–30-е гг. XX в. их неудачно пытался возродить Н.Я. Марр). Типология XX в. отбросила идею о большем или меньшем совершенстве строя языков.

Видный отечественный лингвист А.М. Пешковский в 1925 г. писал о деятельности лингвиста: «Для него нет в *процессе изучения*... ни «правильного» и «неправильного» в языке, ни «красивого» и «некрасивого», ни «удачного» и «неудачного» и т.д. и т.д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых.... В конечном итоге он ни одного факта не осудит, а лишь *изучит*.... Эта точка зрения, для современного лингвиста само собой подразумеваемая, ... чужда широкой публике»¹⁴. К идеям А.М. Пешковского я еще вернусь.

Однако безоценочный подход, выраженный во фразе одного американского ученого: «Языки равны только перед Богом и лингвистом»¹⁵, не может выдерживаться, по крайней мере, в двух случаях. Во-первых, в числе прикладных задач лингвистики остаются установление норм языка и их поддержание, культура речи, методика преподавания родного и иностранных языков, где оценочность необходима. Во-вторых, одной из областей науки о языке является социолингвистика, а здесь, даже отвлекаясь от избегаемых наукой, но встречающихся оценок типа «наше — не наше общество» (см. ниже), остается неустранимое неравенство языков с точки зрения количества и разнообразия их социальных функций. Русский или английский язык, обладающие большим количеством функций, и бесписьменный язык аборигенов Австралии или Амазонии, используемый (как и диалекты) лишь в функции бытового общения, равны с точки зрения их фонетики или грамматики, но не равны в функциональном отношении. А эти различия проецируются и на сам язык,

поскольку нельзя, скажем, сочинять поэму языком наставлений по стрелковому оружию или наоборот. По принятой терминологии, каждая функция языка требует особого функционального стиля. Стили всегда различаются лексикой и могут различаться грамматикой: например, в быту обычно не используют сложные синтаксические конструкции. Может быть построена шкала языков по количеству функций и стилей. Однако это неравенство — отражение объективных различий между более простыми и более сложными объектами, не имея отношения к этике и эстетике и тем более к политике (которые, конечно, могут примешиваться¹⁶, но наука стремится избавиться от этого).

И еще проблема языкознания, имеющая аналоги в общественных науках, — основания для сравнения языков. В лингвистике были выработаны три таких основания. Это типологический подход, сравнивающий структуры языков или функционирование языков безотносительно к их родству или взаимодействию, генетический подход, выделяющий семьи и группы языков по их происхождению, и ареальный подход, классифицирующий языки на основе общих признаков, приобретенных при языковых контактах. Первые два подхода сложились почти одновременно в начале XIX в. и довольно долго конкурировали друг с другом, последний — лишь в первой половине XX в. Отказ от стадий в эпоху господства позитивизма, изгонявшего из науки «метафизику», привел к преобладавшей несколько десятилетий идее о генетическом подходе как единственном научном. У нас Н.Я. Марр, наоборот, объявил ненаучным генетический подход, возродив типологию и стадии (первое возрождение оказалось научно продуктивным, второе — нет). После выступления И.В. Сталина по вопросам языкознания на некоторое время снова стали говорить: «Советское языкознание стоит

за генетическую классификацию языков как классификацию историческую, подлинно научную»¹⁷. Ареальный подход предложил Н.С. Трубецкой как частичную замену генетического подхода: признавая последний для близкородственных языков, скажем, славянских, он считал сходство индоевропейских языков результатом общего развития и контактов языков разного происхождения¹⁸. Но в итоге бури улеглись, и сейчас лингвисты признали правомерность каждого из подходов, по-разному сопоставляющих языки. Впрочем, подходы развиты не одинаково: генетическая классификация в своей основе общепринята и вызывает разногласия лишь в деталях (хотя языки аборигенов Америки или Австралии пока плохо изучены в этом плане), типологических классификаций много, и каждая из них вызывает споры, а полного разграничения языков мира на ареалы пока не существует.

А что в политологии и других общественных науках? Для примера позволю себе ограничиться одной, как мне кажется, представительной книгой: недавно выпущенным научно-методическим комплексом по политическим системам и процессам на Востоке, подготовленным в МГИМО коллективом авторов под редакцией профессора А.Д. Воскресенского¹⁹. Большое число замечаний и недоумений, которые последуют дальше, не означает отрицательной оценки этой серьезной и добротной книги, содержащей значительный материал по политическим системам стран Азии и Африки и всесторонний анализ рассматриваемых проблем. Я также не считаю свойства книги, о которых будет говориться, ее особенностью: нечто похожее, иногда гораздо в больших масштабах, можно встретить в очень многих публикациях у нас и за рубежом. Именно поэтому я не буду упоминать авторов тех или иных высказываний. Я также (в том числе на собственном не очень удачном опыте) знаю, насколько сложна в коллективной работе унификация точек зрения.

И разумеется, я нигде не спорю с оценками в книге конкретных политических процессов в тех или иных странах: все ее авторы — признанные специалисты по этим странам. Речь пойдет лишь об обобщениях, классификациях и прогнозах, а также о согласованности точек зрения и формулировок.

В целом книга достаточно взвешена по оценкам и лишена крайностей. Но я привык мерить научные работы критериями, принятыми в лингвистике, и буду исходить из такого, безусловно, нестандартного и, вероятно, непрофессионального подхода.

Многое для лингвиста выглядит знакомым. Предлагается сравнительный анализ изучаемых объектов (с. 20), говорится о построении типологий и классификаций (с. 21), классификации делятся на эволюционные и морфологические (с. 47), что сходно с разграничением диахронии и синхронии в лингвистике. Понятие региона (с. 35) напоминает понятие языкового союза в ареальной лингвистике²⁰. Замечу, что противопоставление вышеуказанных трех подходов к сопоставлению языков имеет, как мне кажется, аналогии и в общественных науках. Правда, там всерьез можно говорить лишь о двух подходах, аналогичных типологическому и ареальному подходам к лингвистике: это соответственно формационный (в широком смысле, не только марксистском) и цивилизационный (и пересекающийся с ним региональный) подходы. Генетическому подходу может соответствовать лишь деление человечества на замкнутые и неизменные расы²¹, что не подтверждено наукой и после нацизма окончательно скомпрометировано. А о формациях и цивилизациях у нас, как известно, яростно спорили, и тоже речь шла (иногда идет и сейчас) о полной неприемлемости одного из подходов. И вряд ли случайно создатель ареального подхода в лингвистике Н.С. Трубецкой одновременно был и теоретиком евразийства, одной из разновидностей

цивилизационного подхода. Сама эта лингвистическая идея была им выдвинута в обоснование тезиса об особом евразийском ареале, который в области языка найти так и не удалось, зато идея языковых ареалов хорошо подтвердилась на Балканах, в Китае и Юго-Восточной Азии, в Западной Африке и др.

Но вернусь к книге «Восток и политика», включающей типологический и региональный подходы (я в основном буду говорить о типологии). С позиций лингвиста я нередко ощущаю в ней несоответствия принятым в нашей науке критериям (разумеется, и в лингвистике они — идеал, не всегда строго соблюдаемый, но все же их стараются придерживаться).

На страницах книги охвачены два континента: Азия и Африка, хотя и с пропусками: ряд стран, в том числе столь специфичный по политической системе Непал, упомянуты лишь в таблицах. Но важнее вопросы об основных понятиях, их определениях, эталонах и оценках.

«Англосаксонская традиция сравнительной политологии» является «ведущей в мировой политической науке» (с. 24). Два главных разграничения, вводимых в учебнике, восходят к ней, хотя, разумеется, распространены шире: Запад — Восток и демократия — авторитаризм — тоталитаризм. На Западе они давно известны, у нас долго с первым из них боролись, а второе игнорировали, но после 1991 г. они стали общим местом. Но как они обоснованы?

Географические границы Востока (в отличие от Запада) в учебнике охарактеризованы четко, за одним исключением: в таблицах к Большому Ближнему Востоку отнесены и республики Закавказья, но более нигде в книге они не упомянуты, как и Непал. Но если отнесение Непала к Востоку очевидно, то вопрос о Закавказье, по крайней мере о Грузии и Армении, спорен, а точка зрения авторов не оговорена (другой спорный вопрос, связанный с Израилем, решается одно-

значно в пользу отнесения его к Востоку). Но существеннее, конечно, вопрос о главных характеристиках Запада и Востока.

Дихотомия «Запад — Восток», постоянно присутствующая в книге, дополняется другой дихотомией: «Запад — Незапад»; говорится о «незападных или азиатских странах» (с. 8), тип восточного общества характеризуется как «часть незападного типа» (с. 25, 29, 614). Но лишь одна страна прямо характеризуется как одновременно не восточная и не западная: Россия; в неявном виде еще Бразилия, так как к Незападу отнесены все страны БРИК (с. 8). «Незападный тип» в книге никак не характеризуется, ни по границам (относятся ли к нему вся Латинская Америка или Балканские страны?), ни по существенным признакам²². А весь раздел о противопоставлении Запада и Востока (с. 25–35) построен по принципу «А — не А»: почти все характеристики одного типа общества прямо противоположны характеристикам другого типа, и чему-то третьему в этой системе координат не остается места.

В разделе о противоположностях западного и восточного мира перечислен ряд взаимоисключающих признаков, а затем вводится «дуалистическое противопоставление» (с. 33–34). Этой схеме свойственны две особенности.

Во-первых, видно одно противоречие. С одной стороны, сказано: «...такое дуалистическое противопоставление характерно прежде всего для традиционных восточных и западных обществ, в современных обществах оно становится все менее значимым» (с. 34). С другой стороны, если для Востока воспроизводятся его традиционные характеристики, то характеристики Запада в основном современные, никак не ослабевающие в наше время. Вот такое свойство Запада: «...общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается как «потребительский рай» (с. 33). Исконная ли это черта или все же особенность

нашего времени? А выше среди черт обществ западного типа названы и такие: «отсутствуют «великие» коллективные ценности» и «национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму)» (с. 31). Но ничего подобного не было не только на Востоке, но до недавнего времени и на Западе (да и сейчас это скорее свойственно Европе, чем США, где сохраняется общая ценность защиты и распространения демократии, а собственный суверенитет никак не исчезает). То есть сравниваются старый Восток и современный Запад.

Во-вторых, возникает вопрос о всеобщности выделенных характеристик. И здесь в книге не все согласовано. Например, сказано, что на Востоке «этика исключала какое-либо уравнивание, эгалитаристские концепции» (с. 78), но на с. 96 в числе африканских ценностей (а Африка последовательно отнесена к Востоку) названа «уравнительность». Общим свойством Востока признается то, что его общества «основаны на теократическом принципе», а государство — «носитель... нравственно-религиозных критериев» (с. 32). Стало быть, религиозная составляющая всегда и везде первостепенна²³. Но, например, в очерке о Филиппинах религиозный вопрос даже не упоминается. И для всего Востока признается важной «вера в сакральность всего земного пространства... и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник — царь/первосвященник — пророк и обязательным посредником между человеком и Богом» (с. 32). Похоже ли это на Китай или Японию (в том числе на традиционные)? И вообще насколько это применимо к обществам, где нет и не было единобожия? А Хомяков, как известно, прежде всего, писал о России, выведенной в учебнике за пределы Востока. В книге дважды осуждается теория азиатского способа производства К. Маркса как основанная

«на западных реалиях» (с. 7) и связанная с «недостатком знаний по Востоку» (с. 610); но Хомяков был старшим современником Маркса и вряд ли знал Восток (которым специально не занимался) лучше.

Обобщенный образ Востока иллюстрируется на примере разных стран и регионов, но они привлекаются неравномерно. Как часто бывает в очерках о «Востоке вообще», на периферии внимания оказывается Япония: в двух первых главах, посвященных общим вопросам политической культуры на Востоке, Япония, исключая раздел о делении на регионы, упомянута всего четыре раза и ни разу не говорится о традиционной Японии, ее исконных чертах.

Безусловно, какие-то общие свойства, сближающие, скажем, Японию с Ливией и отличающие их обеих от стран Запада, найти можно. Но не присутствует ли здесь отталкивание все от тех же западных реалий? Концепция единого Востока (не в географическом, а в культурном и политическом смысле) существует на Западе (перейдя затем и в Россию) уже много веков. Всегда при этом современный исследователю Запад, сам все время изменявшийся, рассматривался как эталон, а за его пределами отмечались, прежде всего, отличия от этого эталона. Иногда эти отличия фиксировались одновременно для разных к тому времени известных стран, иногда особенности одного региона или одной страны некритически обобщались, иногда обобщения основывались на ошибках и всегда на недостаточном знании. Особенности же отдельных народов и культурных ареалов, безусловно, фиксировались их исследователями, но оказывались второстепенными при построении общих «историко-софских» концепций²⁴. Границы Запада и Востока могли проводиться по-разному (например, в отношении России), иногда мог признаваться переход (скажем, Японии) с одной стороны на другую, но противопоставление в главном оставалось неизменным. Впрочем, существо-

вали и иные классификации, из которых наиболее известны две: противопоставление монотеистических народов и культур всем прочим и евразийство²⁵. Последовательной антитезой данному взгляду на мир стал цивилизационный подход у А. Тойнби и др.

Разумеется, сейчас о Востоке, в том числе о его традиционных и современных политических системах, известно намного больше, чем в эпоху К. Маркса и А.С. Хомякова. Но ориентация на составляющий небольшую часть мирового пространства Запад (и никак не на Восток или какую-то его часть) как на общий эталон, а на Восток (и весь Незапад) как на разные степени отклонения от этого эталона, чувствуется и в данной книге, и во многих других. Вопрос о критериях для сравнения, далеко не решенный и в лингвистике²⁶, тем более остается неясным здесь. А эталон на основе одного, пусть передового, региона, как и на основе одного языка (или нескольких близких языков) связан с одномерностью классификации и с оценочностью.

Другой ключевой вопрос — классификация типов государственного устройства. В книге принимается сейчас, пожалуй, наиболее известная и популярная в России классификация. «В ней по объективным критериям выделяются... теократические государства, а далее также тоталитарные, авторитарные и демократические. Такое разделение политических систем идет как по объективным, так и по субъективным параметрам, что привносит в эту классификацию проблематику категории «двойных стандартов» (с. 48).

Указание на «двойные стандарты» очень верно. Но что такое «объективные критерии»? Безусловно, признаков, по которым могут классифицироваться политические системы, как и языки, очень много. Обычно ни в лингвистической типологии, ни в сравнительной политологии уже не пользуются ни сознательно вымышленными, ни ошибочно

выделенными признаками, как это постоянно бывало в XVIII–XIX вв. Но остается вопрос об иерархии признаков: о том, какие из них существенны, а какие второстепенны. Он всегда был и остается сложным и для лингвистики, где и сейчас субъективность построений далеко не преодолена. Но некоторые общие правила есть. Вряд ли кто-то разделит языки мира на основе того, имеется ли в них образование вопроса с помощью вспомогательного глагола со значением «делать» или нет. Тем более никто на этом основании не будет приписывать английскому языку особые положительные или отрицательные свойства. Но вот более сложный случай. Русский и японский языки отличаются от большинства языков мира тем, что в них существенно противопоставление согласных по твердости-мягкости (выражаясь по-научному, непалатализованности-палатализованности). Это свойство не уникально в языках мира, но встречается сравнительно редко²⁷. Однако выделять русский и японский язык в типологический класс в современной науке вряд ли кто-то решится: при данном, по видимому, случайном сходстве эти языки по строю в целом мало похожи друг на друга, зато для каждого из них есть немало типологически более близких языков. Но Н.С. Трубецкой именно наличие данного противопоставления считал одной из главных черт евразийского языкового союза, который очень хотел выделить (хотя большинство так называемых евразийских языков его не имеют). Однако идея евразийского языкового союза всеми лингвистами оставлена, зато базировавшаяся на ней концепция евразийства и сейчас привлекает многих, хотя ее нельзя считать доказанной.

Что касается политологии, то вышеупомянутая концепция далеко не единственная. У нас несколько десятилетий, как известно, господствовали иные взгляды, согласно которым политические системы — часть надстройки той

или иной социально-экономической формации. По этому критерию выделялись рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое государства; они могли далее классифицироваться по более частным признакам, например, по форме правления: буржуазные государства делились на монархии, парламентские республики, фашистские государства и т.п. Эта классификация тоже основывалась на объективных критериях. Но в этих двух классификациях могут выделяться разные признаки, а одни и те же признаки занимать разное место в признаковой иерархии.

Рассмотрим, как концепция тоталитаризма, авторитаризма и демократии (от теократических государств пока отвлекусь) проведена в книге. Чертами тоталитарного типа признаются «широкое использование идеологии, превалирование однопартийных систем, жесткий контроль над средствами массовой информации, жесткий государственный контроль над экономикой, стремление государства полностью подчинить себе граждан, добиться их беспрекословной преданности режиму, жесткий полицейский надзор, подавление любого свободомыслия и диссидентства» (с. 48). Авторитаризм далее характеризуется как «ослабленный тоталитаризм» (с. 49), хотя указано, что «при определенных исторических и национальных условиях он может обрести крайне жесткую антидемократичную форму» (с. 49). В дальнейшем появляется и особый термин «жесткий авторитаризм» (например, на с. 590). То есть данные типы систем отличны лишь степенью концентрации одних и тех же признаков: максимум в тоталитаризме, середина в жестком авторитаризме, минимум в «обычном авторитаризме». И очевидна оценка: тоталитаризм совсем плох, жесткий авторитаризм плох чуть менее, «обычный» авторитаризм хуже демократии, но лучше двух предыдущих типов.

Указанные признаки тоталитаризма легко узнаваемы: это СССР 50–80-х го-

дов в интерпретации его противников в холодной войне (и ретроспективно многих социологов и политологов современной России). Характерно, что из восьми перечисленных признаков лишь один — экономический, а большинство связано с разными способами подавления инакомыслия, за что Запад в те годы более всего осуждал СССР. Значимо и слово «диссидентство»: оно, по крайней мере, у нас не применяется к противникам строя ни в нацистской Германии, ни в СССР до 50-х годов. Но на с. 98 дается совершенно иное определение тоталитаризма и его отличий от авторитаризма, правда, применительно к Африке, но вряд ли концепция книги предусматривает здесь региональные различия. «Тоталитарным африканский авторитарный режим становится тогда, когда его действия направлялись на уничтожение части своего населения по этническому, расовому, религиозному, классовому или любому другому признаку». Обращаю внимание на формулировку «любому другому признаку», позволяющую (может быть, даже и помимо намерений автора) включить сюда, например, и уничтожение всяких политических противников. Но в любом случае СССР 50–80-х годов под эту характеристику не подпадает. Зато под нее могут подпасть ни разу не относимые в книге к тоталитарным государствам Республика Корея и Тайвань 50–70-х годов (да и, например, Турция в отдельные периоды, особенно после военного переворота 1960 г.).

В Республике Корея, например, после 1972 г. «новый режим стал абсолютно авторитарным; подавлялись любые проявления инакомыслия, личная жизнь граждан строго регламентировалась. В стране была введена система взаимной ответственности и слежки. В 1974 г. были приняты новые чрезвычайные правительственные декреты, запрещавшие любую критику конституции, вводились военные трибуналы, широко применялась смертная казнь и пожизненное заключение. Характерной чертой режи-

ма Пак Чжон Хи стало проникновение армии во все эшелоны власти. В правительстве преобладали офицеры, которые занимали также руководящие посты в основных областях национального хозяйства» (с. 455). Широкое применение смертной казни — тоже «уничтожение части своего населения» по определенному признаку, а остальное соответствует первому определению тоталитаризма (формально не было однопартийной системы, но так же было и в ряде социалистических стран). Еще в большей степени уничтожались по обвинению в «коммунистических симпатиях» противники Чан Кайши на Тайване в первые годы после 1949 г. Но сказано лишь о «зримых тоталитарных чертах в режиме тайбэйских союзников», которые «всегда шокировали» США (с. 505). В целом же тайваньский режим раннего периода также характеризуется как «военно-авторитарный» (с. 505).

Чем оба этих режима (позже, несомненно, изменившиеся) не подпадают под определения тоталитаризма? Чем они были мягче (а авторитаризм, согласно концепции книги, всегда мягче тоталитаризма) СССР времен Л.И. Брежнева?²⁸ Тем, что западные авторы обычно не включают Тайвань и Республику Корея в число тоталитарных стран? Но это не критерий. В годы холодной войны на Западе не было принято своих союзников считать тоталитарными государствами уже потому, что это союзники. Но стоит ли так считать нам сейчас? И еще одно всегда важное для Запада, хотя прямо не присутствующее в учебнике различие: характер той идеологии, которая «широко используется». Но, например, коммунистические идеи, нацизм и, скажем, чучхе в КНДР или воззрения Туркменбаши (Туркмения на с. 327 отнесена к числу тоталитарных государств) трудно возвести к общему знаменателю. Во всем, кроме одного: отрицания системы ценностей, принятой на Западе²⁹. А в классификации у разных авторов нет единства: политиче-

ский режим в КНДР относят то к тоталитаризму (с. 453), то к жесткому авторитаризму (с. 590)³⁰.

Через всю книгу проходит ключевой вопрос о том, что такое демократия на Востоке. В ней принята точка зрения, согласно которой идеи демократии, западные по происхождению, полностью пришли на Восток извне³¹. Исключение составляет глава об Индии, авторы которой указывают: «Элементы западной демократии... были заложены в цивилизационном комплексе» (с. 351); успех демократизации в этой стране связан с «цивилизационными отличиями Индии» (с. 358). Тем не менее и Индия, хотя и «пример весьма успешной демократизации» (с. 351), но — лишь «становящаяся демократия» (с. 357), а не демократия в полном смысле. Эталон демократии в книге четок и конкретен: это общая основа в политическом строе современных США и Западной Европы (лишь изредка упомянуты различия отдельных стран, например, в степени государственного вмешательства)³². Ни одна современная страна Азии и Африки не признана в полной мере соответствующей этому эталону (с. 618), хотя, разумеется, не все они отнесены к авторитарным или тоталитарным. Второе базовое различие, итак, объединяется с первым: Запад = полноценной демократии, Незапад = всем остальным политическим системам от тоталитаризма до «становящейся демократии».

Другие виды демократии в книге сводятся к двум. Во-первых, это традиционные виды демократии, из которых в явном виде упоминается лишь об «африканской традиционной демократии племенного типа», с которой синтезировалась «европейская демократия» (с. 577). Вероятно, имплицитно нечто подобное имеется в виду и применительно к Индии. См. также указания на сходство ряда принципов английского и мусульманского права (с. 185). Место традиционной демократии в общей типологии (скажем,

ее соотнесение с тоталитаризмом и авторитаризмом) в учебнике не определено.

Во-вторых, говорится об особых «незападных демократиях» (с. 618 и др.) Иногда в сравнительной таблице политических систем так охарактеризована некоторая страна в целом (Малайзия на с. 588). Однако класс таких стран (независимо от не всегда унифицированной характеристики в таблице³³) оказывается очень широким. В него попадают все страны Востока, кроме чисто тоталитарных и/или авторитарных, а также теократических и еще группы стран Ближнего Востока, система которых обозначена как «националистический социализм» (с. 582). Еще не вписывается в общую классификацию характеристика Вьетнама: «социалистическая республика коммунистического типа» (с. 588). Эти классы, как и «военные диктатуры», есть в таблицах, но в начальной типологической части книги не выделены. А в некоторых случаях строй оказывается и не демократией, и не авторитаризмом (чем-то средним?), так охарактеризованы современные Филиппины (с. 418).

Авторы книги иногда отходят от привычных сейчас стереотипов. Например, чисто демократическими странами Азии принято считать Японию и Израиль. Однако обе эти страны отнесены к «незападным демократиям» вместе с Индонезией, Турцией, Египтом (еще при Мубараке³⁴) и др. (с. 618). В частности, относительно Японии сказано, что там «сложилась политическая система, весьма не похожая на действующие на Западе» (с. 607). Признается, правда: «Японская политическая элита предприняла очень серьезные усилия, чтобы доказать, что, несмотря на существенную специфику своей политической культуры, форма политического правления в стране в целом укладывается в определение понятия демократии» (с. 607). Так же оцениваются Малайзия и Сингапур, про которые отмечено, что они провозглашаются либеральными демократиями «современной

западной политической наукой», но «не вписываются в эту модель политического устройства» (с. 611). В другом месте сказано, что Сингапур имеет лишь «формально демократический фасад», за которым скрываются авторитарные конфуцианские традиции (с. 435)³⁵.

То есть в отличие от места традиционной африканской демократии место «незападной демократии» в типологии политических систем определено — нечто промежуточное между эталонной демократией и авторитаризмом (ср. «жесткий авторитаризм» как нечто промежуточное между тоталитаризмом и «обычным» авторитаризмом). Впрочем, и авторитаризм промежуточен между тоталитаризмом и демократией. Таким образом, мы имеем единую типологическую классификацию политических систем в виде общей шкалы (прямо в книге не заданной, но складывающейся из контекста учебника).

Внутри демократической части шкалы в учебнике выделяются экстралиберальные (= эталонным?), либеральные демократии, «просто демократии», нелиберальные демократии и находящиеся на границе с авторитаризмом плебиситарные демократии (с. 616–617). Также выделены более и менее существенные признаки демократического эталона. К существенным отнесены выборность и сменяемость власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, наличие всеобщих гражданских (политических) прав (с. 616). При отсутствии каждого из этих признаков государство должно считаться авторитарным или тоталитарным. В то же время независимость прессы, гарантии частной собственности, политическая конкуренция, «достаточно высокая (но разная) открытость общества» в «незападных или нелиберальных демократиях»³⁶ могут и отсутствовать, что не исключает их отнесения к демократиям (с. 616).

Подобные шкалы хорошо известны и лингвистам, скажем, существующая уже

два столетия шкала языков по принципам организации слова: так называемые изолирующие, агглютинативные и флективные языки. Там также предельные случаи очевидны, но дискретные границы между типами провести невозможно, и какие-то языки трудно однозначно охарактеризовать³⁷, как и, судя по данной книге, общества КНДР или Филиппин. В лингвистике предпринимались и попытки количественного анализа, когда подсчитывался коэффициент встречаемости того или иного явления в текстах, в зависимости от которого определялось место языка на шкале³⁸. Не знаю, подсчитывал ли кто-нибудь «индекс тоталитаризма» или «индекс демократии».

Между современной лингвистикой и политологией в данном плане существуют, однако, два существенных различия (в обоих случаях лингвистика XIX в. занимала позиции, близкие к теперешним политологическим). Во-первых, современная лингвистика, начиная с выдающегося американского ученого первой половины XX в. Э. Сепира, отказалась от монистического взгляда на типологию. Весь XIX в. классификация по организации слова считалась основополагающей, причем помимо изолирующих (аморфных), агглютинативных и флективных языков выделялся четвертый класс — инкорпорирующие языки (в основном некоторые индейские языки Северной Америки), места которому на единой шкале не находилось. Э. Сепир в 1921 г. выдвинул идею о том, что единой шкалы нет, а языки можно классифицировать по разным основаниям. Таких оснований он выделил три, причем традиционная шкала стала одним из них, а инкорпорирующие языки удачно поместились на другой шкале³⁹. Сейчас лингвисты могут выдвигать разные основания для классификации, но чистый монизм нехарактерен, в отличие от политологии.

Разумеется, и в рассматриваемой книге учитываются иные признаки, пересекающиеся с основополагающим: мо-

нархии — республики, унитарные — федеративные государства и пр. (перечень см. на с. 48). Но последовательно выдержан монизм: все второстепенно по сравнению со шкалой от экстралиберальной демократии до тоталитаризма. Такой же монизм был принят и в общественных науках СССР, где современный мир делился на государства с социалистическим и капиталистическим (на периферии иногда и с феодальным) строем. Правда, советская классификация выделяла, особенно до 50-х годов, не шкалу, а дискретные классы⁴⁰, а решающим критерием вопреки заявленным основаниям классификации могли оказаться отношения того или иного государства с СССР⁴¹, но и принятая в учебнике классификация не свободна от последнего принципа, что видно на примере двух Кореи и Тайваня. При этом сложности могут возникать не только из-за не всегда явного места страны на шкале, но и из-за неясности, имеем ли дело с той же шкалой или с другими (ср. ситуацию с инкорпорирующими языками). Что-то на шкале не помещается: не только вышеупомянутые африканские демократии, но и, например, теократия. Из определения на с.48 следует, что это особый тип, отличный от демократии, авторитаризма и тоталитаризма. Но современный иранский режим характеризуется как хотя бы отчасти теократический (с. 267) и в то же время авторитарный (с. 581), отмечаются и имеющиеся в нем «основы демократии» (с. 267). Если теократия входит в общий ряд, то не ясно, как она соотносится с остальными классами. Если не входит, то, стало быть, есть еще одно основание для классификации, по которому, скажем, обе Кореи вместе с США или Россией попадают в единый класс не теократических государств. И особо характеризуются «государства коммунистического типа»: в теоретических главах они специально не рассмотрены, но в таблице (с. 588–589) их три. Китай временно назван авторитарным государ-

ством, Лаос-демократическим, а место Вьетнама не определено. КНДР в данный тип не включена.

На с. 48 есть верное замечание об опасности как слишком простых, так и слишком сложных классификаций: «Сложная классификация затрудняет типологизирование, на ее основе иногда довольно трудно сделать какие-либо практические выводы». В лингвистике также впадали и в ту и в другую крайность. Деление всех языков мира на четыре класса, предложенное братьями Шлегель и В. фон Гумбольдтом, было признано упрощением, но и слишком сложные и многофакторные классификации оказались малоэффективными. Напомню и вышеприведенные слова о современной лингвистике, отвергнувшей «гипотезу о том, что языки могут по своему строю отличаться друг от друга неограниченным образом по неограниченному множеству параметров». Разумеется, то же относится и к политическим системам. Однако представление этих систем в виде нескольких дискретных классов или единой шкалы также может упрощать реальность. Даже отвлекаясь от привходящих обстоятельств вроде разных стандартов для политических друзей и врагов, эта классификация может, вероятно, многое не учитывать или преувеличивать⁴².

Второе различие — все та же оценочность, от которой в лингвистической типологии, как уже говорилось, в XX в. отказались. В политологии и других общественных науках все иначе, будь то науки советские или постсоветские. Впрочем, в данной книге степень оценочности у разных авторов неодинакова. На с. 85 говорится: «В глазах поверхностного наблюдателя материальное изобилие нередко выглядит следствием политического индивидуализма и либерализма, и, по его представлениям, одно не может существовать без другого». Но другой автор, перед этим отождествивший демократию и «либеральные ценности»⁴³, пишет: «Демократия и эко-

номическое процветание являются по существу синонимами» (с. 336). Верно ли это для Египта в 2010 г., отнесенного к либеральным демократиям?

В книге не раз делаются существенные оговорки. «Незападные политические системы и политические культуры» «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» «и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа»⁴⁴ (с. 614). «Все больше исследователей, как в западных странах, так и в России, высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации (вестернизации) и демократического транзита, определяющие демократии западного типа единственным и идеальным образом демократического устройства, после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии» (с. 610). Иногда встречается стремление к безоценочности. Так, например, вводится понятие режима (с. 63), сейчас обычно имеющее отрицательную окраску. Иногда совмещается то и другое: очерк о КНДР большей частью лишен оценок, и лишь в конце автор вспоминает, что «англосаксонская традиция» оценивает эту страну резко негативно, и добавлена фраза о «бесперспективности» и «пагубности» «пути, по которому пошла Северная Корея» (с. 484).

Но все-таки мнение об западных демократиях как о пусть не идеальном, но единственном образце постоянно присутствует в разных местах книги. Запад в книге не рассмотрен в динамике, в отличие от Востока, и остается не ясным, есть ли слабости и противоречия в его политических системах. Их преимущества по принятой традиции не обсуждаются и принимаются как данность. Разумеется, в книге, как и во многих других, упомянуто и названное «классическим» высказывание У. Черчилля о том, что «демо-

кратия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала» (с. 614)⁴⁵. Черчилль, конечно, может считаться примером успешного политика, но почему именно он должен здесь считаться авторитетом? И сам принцип прятаться за спины авторитетов лингвистика осуждает, хотя на практике от него, конечно, избавиться трудно.

Разные политические системы «не лучше» и «не хуже», но в их сравнении постоянно присутствуют оценки, и в книге не найдется ни одного параметра, по которому какие-либо азиатские или африканские системы могли бы стать образцом для Запада. Это относится не только к политическим системам, но ко всем сторонам жизни.

Вот несколько примеров из многих. На с. 9–10 про ряд азиатских стран (включая КНР и Тайвань) сказано, что они «не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий»⁴⁶, т.е. обеспечили как материальное, так и духовное улучшение жизни своего населения» (курсив мой. — *Авт.*). Один из параметров для сравнения всех восточных стран: «...насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики» (с. 53). То есть азиатские страны не входят в число лидеров не только в политических системах, но и в экономике (Китай и Япония тоже?). На с. 270: «Отказ от демократизации в современных условиях влечет за собой стагнацию». То есть демократия, «синоним экономического процветания», всегда и везде прогресс.

Вспомним слова в книге о том, что типологии политических систем строятся по объективным и по субъективным параметрам. Но какими могут быть объективные параметры оценок? В современной лингвистике оценки, как уже говорилось, сводятся к двум: степени сложности объекта (например, ко-

личества социальных функций и функциональных стилей в языке) и степени нормированности той или иной разновидности языка⁴⁷. Что этому может соответствовать в политологии? Общепринятых критериев сложности политической системы пока нет, и в данной книге они не вводятся. А если сравнивать системы «на глаз», то что сложнее: европейские системы начала прошлого века с большим числом партий и движений, часто неустойчивых, постоянной сменой политических конфигураций, падением кабинетов, борьбой разных систем ценностей или системы современного Запада, где сменяются у власти две-три партии с очень близкими программами, а в обществе благодаря приближению к «потребительскому раю» и успешной идеологической обработке⁴⁸ достигнуто почти полное единомыслие в главном?

Понятие же нормы в лингвистике, если отвлечься от связанных с ним (более в массовом, чем в научном сознании) представлений о нормированном (литературном) языке как «языке хороших писателей», предполагает установление для всех носителей языка единого стандарта⁴⁹. Этот стандарт позволяет (конечно, в идеале) достичь полного взаимопонимания всех говорящих на данном языке. Благодаря нему, например, в документах достигается единое употребление терминов, единое написание имен и фамилий и т.д. Что может соответствовать этому в политологии? Вряд ли различие нормированных и не нормированных языков можно спроецировать на различие, скажем, авторитаризма и демократии. Скорее аналогом здесь будет наличие или отсутствие четких и исправно функционирующих политических институтов.

Но, конечно, в общественных науках есть и другие более или менее признанные объективные критерии сравнения, прежде всего статистические. Они, однако, более или менее выработаны лишь для экономической сферы. Безусловно, косвенным критерием эффективности

политической системы является уровень экономического развития того или иного государства и доходов его граждан, выраженный в статистических показателях. Бесспорно, конечно, что все государства Запада в настоящее время принадлежат к наиболее развитым. Но только ли они? Сингапур, Республика Корея, Тайвань, КНР «использовали модель просвещенного авторитаризма для... успешного динамичного экономического развития в течение жизни одного поколения» (с. 9). Высокие оценки экономического развития этих стран, как и Японии⁵⁰, постоянны в книге, хотя ни одна из них не признана в полной мере демократической, а КНР и Сингапур не отнесены и к либеральным демократиям. Впрочем, для КНР делаются оговорки. С одной стороны, «политическая система КНР.. не исчерпала своих возможностей в эффективном обеспечении экономического прогресса государства, его модернизации, поддержании авторитета своей страны в мировом сообществе» (с. 514). Сказано и что «теория неомарксизма» «была эффективно применена в КНР» (с. 602). С другой стороны, те стороны китайской политической системы, которые отличают ее от западной (и сближают с советской), признаются недостатками, которые должны быть преодолены: монополия правящей партии (с. 10), отсутствие плюрализма (с. 503), политический принцип подбора кадров (с. 504). Но все равно не видно жесткой связи между местом страны на шкале «демократия — тоталитаризм» и ее развитием экономики и уровнем жизни.

Решающими для оценки, таким образом, остаются все-таки субъективные критерии. Уже упоминавшийся лингвист А.М. Пешковский писал: «Отсутствие *оценки* — первый признак объективного рассмотрения предмета. Такова точка зрения наук математических и естественных»⁵¹, а также лингвистики (исключая ее раздел, занимающийся нормой), которая тем самым является познающей, а не оце-

нивающей наукой. На деле же и в лингвистике «лучшим» мог признаваться либо родной язык автора, либо наиболее престижный для него язык: древнегреческий и латинский для просвещенного европейца до XIX в., русский для азербайджанского или чувашского языковеда советского времени. Подобная точка зрения соответствует традициям многих наук о человеке. Безоценочная позиция, по выражению А.М. Пешковского, «чужда широкой публике», что в политологии ощутимо и сейчас. Он считал: «Ни одна из гуманитарных наук... не может обойтись без понятия прогресса, притом уже не в эволюционном смысле, но и в культурно-историческом, а потому и неизбежно *этическим*»⁵². Однако понятие исторического прогресса, казавшееся очевидным столетие назад⁵³ и пережившее «ренессанс» в 90-е годы, когда стали популярны идеи «конца истории», сейчас потеряло отчетливость. Точки отсчета могут быть различными. В США, Западной Европе, в недавнем прошлом в СССР лучшей из существующих считается или считалась собственная политическая система. В современной России так, разумеется, не думают, и образцом принято считать системы победителей в холодной войне.

Помимо морфологических проблем в учебном пособии рассматриваются и эволюционные. Постоянно говорится о мировом процессе движения от авторитаризма или тоталитаризма⁵⁴ к демократии. Возможность обратного движения не рассматривается в теоретическом плане, хотя в очерках о конкретных странах говорится, например, об «отступлении Киргизстана от процессов демократизации» (с. 335). Таким образом, вводится не только оценочность, но и представление об однолинейности исторического процесса, хотя то и другое в книге иногда осуждается.

В книге, разумеется, не утверждается, как это часто делают в США, что любое внедрение выборов или многопартийности — всегда решающий шаг вперед. Про неудачу демократизации в Кирги-

зии сказано, что «в условиях социально-экономической отсталости настоящей демократии возникнуть, как правило, и не может» (с. 335)⁵⁵. В разделе о Монголии говорится, что стоявшие у власти в 1996–2000 гг. демократы «не смогли справиться с кризисом, инфляцией», довели население до обнищания, а «попытка искусственно скопировать западные партии их идеологию» «с трудом приживается на своеобразной монгольской почве» (с. 451). Но все это — примеры пагубности не копирования западных моделей вообще, а попыток слишком быстрого перехода с «необеспеченными тылами». А «забегание вперед» в индийской политической системе после получения независимости оценено положительно, так как в итоге «большинство элементов «забегания вперед» оказалось прочно утвержденными на индийской почве» (с. 358).

Однако в книге выражено и более глобальное сомнение по поводу «неизбежности движения всех государственных образований естественноисторическим путем в сторону западной модели развития» (с. 27). Важна и такая констатация: «Западные политологи и политики стали активизировать деятельность по насильственному внедрению вестернизированных систем и ценностей морали и образа жизни в общества Азии и Африки. При этом преследуется и сугубо политическая цель — обеспечить доминирование Запада в мировом масштабе не только в сфере экономики, но и во всех остальных сферах жизни. Американские и европейские политологи и политики попытались навязать миру свое понимание прав человека, методов правления, отвергая все другие» (с. 87). Весь тон этой цитаты показывает, что автор не разделяет такой подход. Напомню и уже упомянутый тезис о лучшем приспособлении «незападных демократий» к «проблемам специфических обществ».

Однако уже «уменьшение значимости дуалистического противопоставления» при заданной системе признаков

выглядит только как движение, пусть не всегда быстрое, именно в сторону, которой требует Запад. Не раз в учебнике встречаются такие формулировки: «Глобализация, во всяком случае в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XXI в., пока не смогла снивелировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов» (с. 40)⁵⁶; «Многопартийная система в арабских странах... пока не создает реальной плюралистической основы общества» (с. 148) (курсив мой. — *Авт.*). Будущее развитие КНР предсказывается как движение в сторону процессов, происходящих в более вестернизированном Тайване: там «установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности, обеспечивающим политический плюрализм», а и «можно предположить, что в будущем, с ростом экономического могущества Китая... вопрос о политическом плюрализме так или иначе возникнет» (с. 503). То есть всемирно-исторический процесс с оговорками признан однолинейным. И так ли уж плохо в таком случае осужденное в книге «насильственное внедрение вестернизированных систем и ценностей», если оно служит историческому прогрессу?

На с. 618 ставится важный вопрос: «Незападные демократии... и их подтип — восточные, азиатские — это самостоятельный подтип демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные или нелиберальные?». Отвлечемся сейчас от формулировки «трансформация незападных демократий в нелиберальные»: по другим формулировкам книги, приведенным выше, нелиберальные демократии — подкласс незападных. Но важно признание того, что приход каждой восточной страны к политическому плюрализму и пр. не предопределен. Правда, возникает такой, например, вопрос: в главе об Индии характерной чертой всех «восточных демократий» признаны коррупция, «пе-

рекупка депутатов», «торговля министерскими портфелями» и пр. (с. 354). Если трансформация не произойдет, то сохранится ли все перечисленное навечно?

Таким образом, авторы книги колеблются между двумя точками зрения: либо эталонная экстралиберальная демократия — светлое будущее человечества (пусть многим странам Азии и Африки до нее еще далеко), либо «азиатские демократии» (с постоянной коррупцией?) — не переходный этап, а политические системы, лучше всего соответствующие национальным традициям в тех или иных странах. Можно ли считать, что в каких-то странах этим традициям вообще соответствует не демократия, а что-то другое? Этот вопрос не обсуждается, если не считать выделение на с. 74 индивидуалистического, эгалитарного и иерархического типов политической культуры. При этом индивидуалистический тип характеризуется как плюралистический, а иерархический — как азиатский. То есть получается, что для всей Азии политический плюрализм, признанный неизбежным в будущем в Китае, не укоренен в ее культуре. Еще одно противоречие.

В отличие от структуры предложения, политические системы стран Запада и Востока пока невозможно представить как «редукцию некоторой абстрактной универсальной модели». Но стоит ли возводить в ранг такой модели одну политическую систему Запада, пусть развитую, но охватывающую меньшую часть мира, а прочие объекты по отдельности или даже все вместе рассматривать лишь с точки зрения их отличий от нее? Лингвистика (по крайней мере, типология) на определенном этапе развития преодолела этот подход, а политология без обоснования его принимает.

Я понимаю, что, выступая против эталонного подхода в политологии, я тут же исхожу из спорного эталона лингвистики как более «продвинутой» науки. Тут моя позиция, конечно, уязвима. И все-таки в науке о языке принято

устранять явные противоречия, разграничивать употребляемые термины, избегать утверждений, не имеющих до-

казательств, по возможности избегать субъективных оценок. Хотелось бы это видеть и в политологии.

- ¹ Я не буду рассматривать вопрос о предмете политологии, о границах между политологией и другими науками, например социологией. Для моих целей это несущественно, поскольку все, что далее будет говориться о политологии, вполне относится и к социологии, и к экономике, и к другим общественным наукам, о которых я не буду специально говорить.
- ² Лингвистика наряду с психологией, конечно, занимает среди эмпирических наук особое место: она изучает не только внешний, но и внутренний мир, исследователь не может не изучать (явно или неявно) и себя. Поэтому в этой науке важнейшую и неустранимую роль играют интуиция и интроспекция (попытки их исключения из науки о языке, особенно активные в первой половине XX в., оказались иллюзорными). Общественные же науки изучают институты, внешние по отношению к каждому отдельному человеку, включая исследователя. Однако я не знаю, можно ли для рассматриваемой здесь проблематики это различие считать определяющим.
- ³ Подробнее см.: Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 18–20. [Alpatov V. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Izdanie 4. M.: Yaziki slavianskoi kulturi, 2005.]
- ⁴ Ориентация на один язык — язык своей культуры была исконно свойственна и всем другим традициям: индийской, арабской, китайской, японской. В этих странах идея многообразия языков появилась лишь под европейским влиянием.
- ⁵ Подробнее см.: Алпатов В.М. Указ. соч. С. 44–49. [Alpatov V. Ibid. S. 44–49]
- ⁶ Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи: различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1962 (английский оригинал — 1952). [Jacobson R., Fant G., Halle M. Vvedenie v analiz rechi: razlichitelnie priznaki i ih korreliaty // Novoe v lingvistike, vypusk 2. M.: Izdatelstvo inostrannoi literature, 1962. (English original version 1952)]
- ⁷ Резникова Т.И. Грамматикализация конструкций с глаголом ДЕЛАТЬ: типология и семантика. Кандидатская диссертация. М.: МГУ, 2003. [Reznikova T.I. Grammatikalizatsiia konstruktitsii s glagolom delat': tipologiya i semantika. Kandidatskaya dissertatsiya. M.: MGU, 2003.]
- ⁸ Хорошее представление о современной лингвистической типологии дает рассчитанная на широкого читателя книга: Плунгян В.А. Почему языки такие разные? М., 2002. [Plungian V.A. Pochemu iaziki takie raznie? M., 2002.]
- ⁹ Впрочем, все не так просто. Одно из господствующих направлений в мировой науке — генеративная лингвистика, созданная Н. Хомским, во многом привлекает лишь английский материал, претендуя на изучение общих свойств Языка (таковы, прежде всего, работы ее основателя). Критики Хомского указывали на то, что его модели принципиально не разграничивают такие свойства и типологические особенности английского языка.
- ¹⁰ Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Докторская диссертация в виде научного доклада. М.: РГГУ, 2003, с.1. [Testelets Y.G. Grammaticheskiye ierarchii i tipologii predlozheniya. Doctorskaya dissertatsiya v vide nauchnogo doklada. M.: RGGU, 2003. S. 1.]
- ¹¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 310. [Humboldt W. von Izbannye trudi po yazi-koznaniyu. M.: Progress, 1984. S. 1.]
- ¹² Штейнталь Х. Грамматика, логика и психология // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1960. С. 110. В цитате речь идет о структурной классификации языков, а не о генетической классификации по семьям. [Shteintal H. Grammatika, logika i psichologiya // Zvegintsev V.A. Istoniya yazikoznaniya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. Chast 1. M.: Uchpedgiz, 1960. S. 110.]
- ¹³ В одной из статей я проводил их сравнение: Алпатов В.М. Марризм и марксизм (заметки неисторика) // Восток. 1992. № 3. [Alpatov V.M. Marrizm i marksizm (zametki neistorika) // Vostok, 1992, № 3.]
- ¹⁴ Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В.А. Указ. соч. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 232–233. [Peshkovskiy A.M. Ob'ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazik // Zvegintsev V.A. Ibid.. P. 232–233]
- ¹⁵ Edwards J. Multilingualism. London — New York, 1994. P. 102.
- ¹⁶ И на серьезных лингвистов могут влиять вненаучные факторы. В начале XX в. появились идеи о том, что не древнегреческий, а современные западные языки, особенно английский, достигли

- наивысшего прогресса (видный датский лингвист О. Есперсен); в том числе признаком прогресса считался аналитизм (выражение грамматических отношений порядком слов и служебными словами, а не склонением и спряжением). А у нас в 1949 г. не менее крупный лингвист Н.Ф. Яковлев писал: «Английский аналитизм и наличие артикля — беда этого языка, пережиток отсталых условий средневековья и господства иноземцев». См.: Никольский В.К., Яковлев Н.Ф. Основные положения материалистического учения Н.Я. Марра о языке // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 270. [Nikolskiy V.K., Iakovlev N.F. Osnovnie polozheniya materialisticheskogo ucheniya N.I. Marra o yazike // Voprosy filosofii. 1949. №1. S. 270.] Английский язык Н.Ф. Яковлев сравнивал, разумеется, с русским. См. также ниже о Н.С. Трубецком. Все эти концепции, однако, сейчас более свойственны публицистике; лингвистика их избегает.
- ¹⁷ Чикобава А.С., Шарадзендзе Т.С. Классификация языков // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 21. 1953. С. 368. [Chikobava A.S., Sharadzenidze T.S. Klassifikatsiya yazykov // Bolshaya sovetetskaya entsiklopediya. Izdanie 2. T. 21, 1953, s. 368]
- ¹⁸ Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 44–59. [Trubetskoi N.S. Mysli ob indoevropеiskoi probleme // Trubetskoi N.S. Izbrannii trudi po filologii. M.: progress, 1987. С. 44–59.]
- ¹⁹ Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект-Пресс, 2011. Далее ссылки на книгу в тексте с указанием лишь номера страницы. [Vostok i politika. Politicheskiye sistemi, politicheskie kulturi, politicheskie protsessi. Pod redaktsiyei A.D. Voskresenskogo. M.: Aspekt Press, 2011.]
- ²⁰ В этом пункте политология обгоняет лингвистику: книга подразделяет все страны Азии и Африки по регионам, а в лингвистике полного распределения языков мира по ареалам не существует, что, впрочем, компенсируется развитием генетической классификации.
- ²¹ Именно этим аргументировал, в частности, отказ от идеи языкового родства Н.Я. Марр. Но аналогия — не доказательство, и его точка зрения оказалась научно несостоятельной.
- ²² Авторы здесь можно понять: обсуждение крайне спорного и различно решаемого вопроса о национальных инвариантах России завело бы их слишком далеко от главной темы. Но оговорить это, вероятно, следовало бы.
- ²³ Согласно книге, «религиозно окрашенная картина мира на Востоке составляла базис политической культуры» (с. 76). Даже отвлекаясь от современности, вопрос о религиозной окраске, например, конфуцианской картины мира дискуссионен, что в книге не отмечено.
- ²⁴ В языкознании процесс был похожим, но не во всем. С одной стороны, и там исходили из эталона одного или нескольких западных языков. Но с другой стороны, не было значимых попыток найти что-то общее во всех «не наших» языках, понятие «восточные языки» не имело типологического значения, и разные восточные языки признавались примерами разных отклонений от единого эталона.
- ²⁵ Последняя концепция не может рассматриваться как противопоставление Запада единому Востоку (включающему Россию): в евразийское сообщество не включались (в том числе по лингвистическим критериям) не только Запад, но и, например, Китай.
- ²⁶ Эти критерии выработаны вне зависимости от какого-то конкретного языка в фонологии, до некоторой степени в морфологии, но заметно ориентированы на английский эталон в синтаксисе (у генеративистов) и полностью пока что отсутствуют, например, в теории речевых жанров или изучении языковых картин мира, что ведет к явному субъективизму.
- ²⁷ Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 446. [Kodzasov S.V., Krivnova O.F. Obtschaya fonetika. M., 2001. S. 446.]
- ²⁸ Прямой оценки позднесоветского режима как тоталитарного в книге нет, но определение тоталитаризма как-то слишком хорошо с этим согласуется.
- ²⁹ Противопоставление «своих» и «не своих» и отсутствие интереса к различиям среди «не своих» — постоянное в мировой истории явление, хотя точки отсчета могут быть самыми разными. Ср. высказывание И.В. Сталина о том, что фашизм и социал-демократия — «не антиподы, а близнецы», или выдвинутый в Японии в канун Второй мировой войны лозунг об искоренении идей «американизма и коммунизма».
- ³⁰ Есть и иные различия: на с. 622 среди стран Большой Восточной Азии названы две «военные диктатуры», но в сравнительной таблице политических систем данного региона (с. 587–590), составленной тем же автором, ни одно государство так не именуется.
- ³¹ Целikom «следствием внешних факторов» считается в книге и «становление капиталистического способа производства» на Востоке (с. 79). Остается неясным, почему, например, в Японии капитализм смог развиваться, тем не менее, так быстро. Данная на той же странице схема «очагового» развития капитализма на Востоке не подходит к Японии.

- ³² Вопрос о границах распространения такой демократии (скажем, о ее восточной границе в Европе) в книге не обсуждается, но для ее целей достаточно, что к эталону отнесены США и крупные страны Западной Европы.
- ³³ В таблице для Африки (с. 572–577) одни страны названы «нестабильными демократиями», другие отнесены к «неустойчивым демократиям», два термина выглядят как синонимы, а на с. 615 приравниваются друг к другу; остается неясным, почему страны характеризуются по-разному.
- ³⁴ События 2011 г. в арабских странах не успели отразиться в учебном пособии. Отмечу разнородность в нем характеристик государств, ими затронутых: Ливия, Сирия и Тунис — «националистический социализм», Египет — «либеральная демократия», Йемен — «нестабильная демократия» (с. 581–582); последняя характеристика дается также Алжиру и Ливану.
- ³⁵ Отмечу в книге и другие оценки, выходящие за рамки стереотипов, восходящих к холодной войне, например, оценка Гоминьдана как партии ленинского типа при иной идеологии (с. 487).
- ³⁶ Соотношение этих двух типов демократии остается не до конца ясным. С одной стороны, если отвлечься от «экстралиберальных демократий», то либеральные демократии максимально демократичны, а ряд стран Востока отнесен к этому классу (скажем, Египет 2010 г.). С другой стороны, как уже упоминалось, полноценных демократий, согласно учебнику, на Востоке нет. Совместить это можно, лишь приравняв «полноценные» и «экстралиберальные» демократии, что прямо не указано. «Просто демократии» есть в классификации, но их примеров нет.
- ³⁷ Например, бирманский язык находится где-то посередине между типично изолирующими и типично агглютинативными, венгерский язык — между агглютинативными и флективными. К тому же в ряде языков есть признаки различных типов: в японском языке имя чисто агглютинативно, а в глаголе значительны черты флективности.
- ³⁸ См., напр.: Квантитативная типология языков Азии и Африки / под ред. В.Б. Касевича, С.Е. Яхонтова. Л.: ЛГУ, 1982. [Kvantitativnaya tipologiya yazykov Azii i Afriki. Pod red. V.B. kasevicha, S.E. Yahontova. L.; LGU, 1982]
- ³⁹ Сепир Э. Язык // Сепир Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 117–137. [Sepir E. Yazyk// Sepir E. izbrannie raboti po yazykoznaniyu i kulturologii. M.: Progress, 1993. S. 117.]
- ⁴⁰ Дискретность позднее несколько нарушилась из-за появления в Азии и Африке государств социалистической ориентации, которые невозможно было включить в состав социалистических, но и от капиталистического мира было необходимо отделять.
- ⁴¹ Яркий пример — статья «Европа» во втором издании Большой советской энциклопедии (Т. 15, 1952), где Югославия, в том числе в статистике, отнесена к капиталистическим государствам.
- ⁴² Власти КНДР обвиняются в том, что, изменив конституцию и фактически осуществив «конституционный переворот», они «не смогли *в силу этого* решить экономические проблемы» (с. 9. Курсив мой. — *Авт.*). Скорее, этот взгляд — проявление западного эталона, придающего чуть ли не везде решающее значение писаным законам, особенно конституции. Ср. представляющуюся более реалистичной оценку ситуации в Израиле: после принятия тех или иных законов, заменяющих отсутствующую в стране конституцию, «не произошло практически никаких перемен в работе органов власти» (с. 119).
- ⁴³ И тут в книге нет единой точки зрения: на с. 616 и др. демократия и либерализм разграничиваются.
- ⁴⁴ Но из цитаты получается, что восточные общества имеют свою специфику, а особой специфики западных обществ нет. И тут виден эталон!
- ⁴⁵ На уровне «придумывания» идея коммунизма вряд ли хуже того, что имел в виду У. Черчилль. Он все же говорил о практической реализации идей.
- ⁴⁶ Термин «развитая демократия» в дальнейшем не используется, его соотношение с типами демократии, выделенными на с. 617, остается неясным.
- ⁴⁷ Два параметра связаны друг с другом: многообразие социальных функций и разнообразие функциональных стилей возможны лишь в нормированных языках.
- ⁴⁸ Ср. упоминание в очерке об Индии обработки среднего класса «с помощью новейших политических методик» (с. 362). На Западе, разумеется, это процесс достиг совершенства.
- ⁴⁹ Русскому термину «литературный язык» во многих языках мира от английского до японского соответствует термин «стандартный язык», что точнее характеризует его основные функции.
- ⁵⁰ Вопрос об экономической стагнации в Японии рассмотрен в очерке о ней, но не затронут в теоретических разделах.
- ⁵¹ Пешковский А.М. Указ. соч. С. 231. [Peshkovskiy A.M. Ibid. P. 231]
- ⁵² Там же. С. 232.

- ⁵³ Статья А.М. Пешковского издана в 1925 г., но он явно исходил из представлений начала века.
- ⁵⁴ Напрашивается вопрос: возможен ли на Востоке прямой переход от тоталитаризма к демократии или необходима промежуточная ступень авторитаризма. Этот вопрос в книге не обсуждается.
- ⁵⁵ Формулировка «как правило» предполагает, что из правила бывают исключения, но трудно в книге найти их примеры.
- ⁵⁶ В отличие от терминов «демократизация» и «вестернизация» (их значение иногда отождествляется, иногда разграничивается), термин «глобализация» встречается в книге не так часто, и его соотношение с двумя другими не вполне ясно.